

ФЕДОР РОЖАНСКИЙ (Москва)

ЗАИМСТВОВАННЫЕ РУССКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
И ПРОБЛЕМА ИХ АДАПТАЦИИ
В КРАКОЛЬСКОМ ГОВОРЕ ВОДСКОГО ЯЗЫКА*

Abstract. Russian Substantive Loanwords and Their Adaptation in Jõgõperä Votic

The paper is devoted to Russian substantive loanwords in the Jõgõperä sub-dialect of Votic. The analyzed data are taken from the dictionary compiled by Dmitrij Tsvetkov and checked with native speakers in the course of the author's field work. In most cases the borrowed nouns in this dialect differ from the original Russian words by their final segments. In some nouns the final vowel of the original word is lost; another group adds a vowel (*a*, *i* or *u*) that is missing in the Russian word; and in the last group the original final vowel is changed. The paper discusses several hypotheses concerning the reasons for such diversity: dependence upon the phonetic structure; borrowing of particular case forms; correlation between the type of change and the period of borrowing, etc. The analysis proves that none of the hypotheses is able to explain all the cases of change. However, the diversity in adaptation strategies can be explained by different language processes. At that, all types of changes serve a definite goal: to make the shape of the loanword different from the original one. Such a goal appears due to the low social status of Votic, which language needs to protect itself from being mixed up with Russian.

Keywords: Votic, Russian loanwords, phonetic structure, adaptation.

Общеизвестно, что заимствования являются одним из интереснейших языковых феноменов, который может рассматриваться как с точки зрения лингвистики, так и в более широком контексте смежных наук (культурологии, этнографии и т.д.). Соответственно и спектр вопросов, возникающих в связи с заимствованиями, достаточно широк: можно анализировать их семантику, историю, причины появления. Значительная часть исследований посвящена изменениям во внешнем облике заимствованных слов. Для изменений такого рода существуют две основные

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 03-04-00274а. Она представляет собой дополненный и переработанный вариант доклада, прочитанного на X Международном конгрессе финно-угроведов в Йошкар-Оле (2005). Автор выражает благодарность Э. Копонену, А. К. Поливановой, Е. А. Хелимскому и другим коллегам, которые высказали ценные замечания в процессе работы над статьей.

причины: фонетическая и морфологическая. Первая обуславливает фонетическую адаптацию слов из-за невозможности (или «нежелания») языка-реципиента воспринимать нетипичную фонетику (это могут быть отсутствующие в языке-реципиенте звуки, или трудные для произнесения последовательности звуков, или вообще любые фонетические особенности, нарушающие привычный облик слова). Второй причиной является невозможность адекватной морфологической интерпретации слова с определенным фонетическим обликом.

Однако не всегда изменения фонетического облика слов при заимствовании находят тривиальное объяснение на уровне фонетических или морфологических правил. И с этой точки зрения загадочной оказывается система заимствований в водском языке. Интерес к водским заимствованиям не нов, этой теме посвящен целый ряд работ, и в половине из них рассматриваются заимствования из русского языка (Vääri 1950;¹ Амбус 1977; 1997; Kull 1979; Szabó 1981; Siil 1982; 1985).² В данной статье мы хотим обратить внимание на заимствованные существительные в водском говоре д. Краколье (Jõgõperä), поскольку система кракольских заимствований отличается некоторыми интересными свойствами, не отмеченными в публикациях, посвященных другим водским говорам. В качестве материала был использован словарь Д. Цветкова (Tsvetkov 1995) (кракольский говор), а также полученные от современных носителей языка данные, позволившие проверить, насколько словарь Д. Цветкова соответствует современному кракольскому говору.³ Следует отметить, что материал, приводимый Д. Цветковым, иногда вызывал у исследователей определенное недоверие отчасти из-за неточностей, отчасти из-за специфической фонетики, свойственной кракольскому говору (например, Laakso 1996).⁴ В большинстве случаев было зафиксировано совпадение фонетического облика заимствований, отмеченных в словаре, и заимствований, полученных от носителей языка (см. ниже о расхождениях между Д. Цветковым и нашими данными).

¹ К сожалению, эта работа утеряна (по всей видимости, безвозвратно) в результате пожара.

² Другим проблемам заимствований в водском языке посвящены, например, Ariste 1936; 1979; 1980; 1981; Nilsson 1991; 1998.

³ Материал собран в 2001—2004 гг. в деревне Краколье. Были опрошены четыре носителя кракольского говора. Данные, полученные от носителей других говоров, в статье не анализируются.

⁴ Наиболее принципиальным моментом является степень апокопы, которая в словаре Д. Цветкова представлена максимально, т. е. в виде полного отпадения конечного гласного. Например, в Вийтсо 1982 : 229—230 отмечается, что «в 1958—1961 гг. не удалось найти идиолект со столь развитой регулярной апокопой, как у Цветкова». Однако наши наблюдения показывают, что такие идиолекты существуют (что было подтверждено исследованиями, проведенными при помощи компьютерных программ для фонетического анализа). Отмеченное расхождение в оценке степени апокопы мы интерпретируем следующим образом: по всей видимости, в говоре д. Краколье существовали два типа идиолектов: один с частичной апокопой (изменение качества и количества конечного гласного) приближался в этом аспекте к говорам деревень Пески и Лужицы, где конечный редуцированный гласный стабилен; другой демонстрировал полную апокопу и соответствовал как словарю Д. Цветкова, так и языку опрошенных нами информантов (хотя нам встречались и идиолекты первого типа). В работе мы будем ориентироваться на второй тип идиолектов.

За пределами нашего интереса остаются те явления, которые связаны с действием более или менее очевидных фонетических механизмов (к таким можно отнести отпадение начального согласного при заимствовании слова *спичка* в виде *pitšk*⁵), а также феномены, имеющие достаточно простое объяснение (например, включение заимствований в систему чередования ступеней, см. Амбус 1977; Siil 1985 : 169—170). Основной объект данного исследования — определенный класс изменений, происходящих с конечными сегментами существительных.

Обратим внимание, что в данной статье рассматриваются заимствования непосредственно из русского языка. К сожалению, не во всех случаях можно однозначно установить, что заимствованное слово попало в водский прямо из русского, а не через другой язык (например, эстонский или финский). Однако, если в нашем материале и есть заимствования, которые будут признаны опосредованными, они не смогут изменить описанную в статье ситуацию, поскольку в водском языке число опосредованных заимствований заведомо невелико по сравнению с числом прямых заимствований из русского.

Существует несколько схем адаптации русских существительных при заимствовании в водский язык.

Заимствования первой группы не претерпевают никаких изменений (выходящих за пределы тривиальной фонетики) и в целом сохраняют свой исходный фонетический облик: *boran* 'баран', *stokan* 'стакан', *uguritts* 'огурец', *sapožnik* 'сапожник'⁶ и др. Такие слова составляют более 25% в списке заимствований.⁷ За редким исключением они заканчиваются на согласный звук.

Вторую группу составляют слова, заканчивающиеся в русском языке на гласный, который при заимствовании в водский язык утрачивается, например, *ošipk* 'ошибка'. Эта группа слов включает около 33% заимствованных существительных, она характерна для кракольского говора: в соседнем песоцко-лужицком говоре происходит лишь редукция конечного гласного, а не полное отпадение. Ср., например, кракольские заимствования *podušk* 'подушка', *bol'nits* 'больница', *britv* 'бритва' с их песоцко-лужицкими эквивалентами: *poduške*, *bol'nitse*, *britve*.

Третья группа объединяет слова, которые и в русском, и в водском имеют на конце гласный, но не одинаковые. В подавляющем большинстве случаев это *a* в русском и *i* в водском, например, *rāmi* 'рама', *šlāppi* 'шляпа'. Группа немногочисленна (около 6% слов).

Наконец, четвертую группу слов составляют заимствования, которые в русском языке оканчивались на согласный, а в водском

⁵ Сочетание свистящего или шипящего с другим согласным в начале слова противоречит фонетической структуре слова прибалтийско-финских языков. Ср. с эст. *loss* 'замок' < нем. *Schloss*, *kool* 'школа' < рус. *школа* и пр. Заметим, что в кракольском говоре зафиксирована и альтернативная форма *spitšk* 'спичка', что свидетельствует либо о более позднем времени заимствования (когда русская фонетика была освоена в большей степени), либо об относительно недавнем переходе на вариант произношения, приближенный к русскому.

⁶ В целом мы следуем транскрипции, принятой в Tsvetkov 1995, однако конечный сильный взрывной мы обозначаем более традиционным знаком *č*, а не знаком *č̣*, как у Д. Цветкова.

⁷ Всего в рассмотренном нами списке заимствований содержится более 1400 существительных.

приобрели конечный гласный. Им могут быть *a*, *i* или *u*: *griba* 'гриб', *kruga* 'круг', *kloppi* 'клоп', *fonari* 'фонарь', *moru* 'мор'. Такова ситуация примерно в 25% рассмотренных слов.

Остальные слова (около 10%) представляют собой неустойчивые заимствования, т. е. когда данные, полученные от носителей языка, расходились либо с данными других носителей, либо со словарем (Tsvetkov 1995). Суть таких расхождений в большинстве случаев одинакова: заимствование зафиксировано и в варианте без изменений конечного сегмента и в варианте с добавившимся гласным: *žurnal* (у Д. Цветкова) и *žurnali* (у опрошенных носителей языка) 'журнал', *pl'en* (у Д. Цветкова) и *pl'enu* (у опрошенных носителей языка) 'плен', *arbu-zi* (у Д. Цветкова и некоторых носителей языка) и *arbuz* (у других носителей языка) 'арбуз', *lāfkε* (у Д. Цветкова) и *lāfk* (у опрошенных носителей) 'лавка, магазин', *stopkε* (у Д. Цветкова) и *stopk* (у опрошенных носителей) 'стопка'. Такие расхождения мы объясняем незавершенной адаптацией заимствования. Гораздо реже наблюдалось различие в конечном гласном: *inžēnēri* (у Д. Цветкова) ~ *inžēnēra* (у опрошенных носителей языка) 'инженер'. Хотя эта группа слов в целом представляет определенный интерес для изучения вариативности в системе адаптации, мы ее не рассматриваем, ограничившись теми примерами, которые не вызвали расхождений. Не будет рассматриваться и небольшая группа заимствований, состоящая из слов *plurilia tantum*. Для них характерно оформление водским показателем множественного числа (*pominkad* 'поминки', *štanad* 'штаны', *vēsęd* 'весы' и др.), который однозначно определяет конечный сегмент заимствованного слова.

Каждая из четырех групп требует комментариев.

1. Первая группа достаточно тривиальна. По всей видимости, заметную часть ее составляют заимствования, которые не были освоены языком в полной мере. Как уже отмечалось, в основном это слова, заканчивающиеся в русском языке на согласный. Случаи с конечным гласным немногочисленны, например, *truba* 'труба'.

Однако следует сделать важное замечание. Именно в эту группу попадает большинство слов, которые в русском языке имеют беглый гласный (т. е. гласный последнего слога, выпадающий в формах косвенных падежей). В водских заимствованиях этот гласный отсутствует во всех падежных формах, в том числе и в номинативе: *podark* 'подарок', *rubanjк* 'рубанок', *bagr* 'багор', *porašk* 'порошок', *sitts* 'ситец'.⁸ Поэтому можно предположить, что в данном случае заимствовалась форма не номинатива, а другого падежа (важный факт для дальнейшего анализа). Конечный гласный заимствуемой падежной формы мог отпасть в результате действия того же механизма, который обусловил отпадение конечного гласного у слов второй группы (хотя сам этот механизм не находит тривиального объяснения). Такое объяснение выглядит значительно естественнее, чем предположение о заимствовании формы номинатива с последующим непонятным выпадением беглого гласного.

⁸ Среди рассмотренных заимствований встретилось около 60 слов такого типа. Заметим также, что существует несколько слов, в которых наблюдается обратный процесс: появление гласного там, где в русском эквиваленте он отсутствует, например: *jādęri* 'ядро', *mužik* 'ложка', *lusteri* 'люстра'.

2. Слова второй группы в подавляющем большинстве заканчиваются в русском языке на *a*: *bayk* 'банка', *brošk* 'брошка', *kartiŋk* 'картина', *kirk* 'кирка', *kurtk* 'куртка', *mašin* 'машина', *podušk* 'подушка', *propk* 'пробка', *stārešt* 'староста', *tare.lk* 'тарелка' и т.д. Значительно меньше слов заканчивается на *o*: *tšis.l* 'число', *litts* 'лицо', *blūd'etšk* 'блюдечко' (впрочем, и в русском языке таких слов меньше). Почти единичными случаями представлены остальные возможные варианты, например, *polot'entts* 'полотенце', *žabr* 'жабры'.

Сюда же следует отнести слова, заканчивающиеся в русском на кластеры *ije* и *ija*. При заимствовании они могут вести себя по-разному: в одних случаях теряется только конечный йотированный гласный, в других — окончание целиком: *prits'asti* 'причастие', *porttsi* 'порция', *ma'teri* 'материя' и *stantts* 'станция', *nakazań* 'наказание', *famil'* 'фамилия'.

Причины отпадения конечного гласного не ясны. Очевидно лишь, что характерная для кракопольского говора апокопа конечного *-a/-ä* (см. выше) не может быть полноценным объяснением этого факта. Действительно, если механизм апокопирования работал в период написания словаря Д. Цветкова и позже (т. е. существовало правило, по которому конечный гласный отпадал), то непонятно, почему конечный гласный наблюдается в заимствованиях четвертой группы (он должен был бы не появляться или отпасть сразу после появления). Если же механизм уже не работал, то все новые заимствования (а таких в рассматриваемой группе немало) не должны были терять конечный гласный.

3. Третья группа слов с изменившимся конечным гласным довольно малочисленна. Почти все слова в ней имеют конечный *i*, а русский оригинал — конечный *a*: *kalbessi* 'колбаса', *gazetti* 'газета', *komngetti* 'комната', *šlāppi* 'шляпа', *petli* 'петля', *rāmi* 'рама'. Значительно реже встречается другое соотношение конечных гласных в русском и водском словах, например, *zvena* 'звено', *pohtelo* 'похмелье'.

4. В словах четвертой группы появляются следующие конечные гласные: *i* (78% слов⁹): *pasprtiti* 'паспорт', *kanvertti* 'конверт'; *a* (15% слов): *griba* 'гриб', *loba* 'лоб'; *u* (6% слов): *pāzu* 'паз', *pāru* 'пар'.

Приведенный материал позволяет поставить вопрос о причинах такого разнообразия механизмов адаптации. Далее будут рассмотрены гипотезы, которые могут выявить закономерности в изменениях сегментного состава заимствованных слов, причем лишь те гипотезы из возникших, которые находят подтверждение хотя бы на какой-то части исследованного материала.

Гипотеза 1. Изменение конечного сегмента зависит от фонетического состава исходного слова.

Эта гипотеза не находит очевидных подтверждений в заимствованиях второй группы, но обнаруживает закономерности в распределении слов четвертой группы по подтипам. Это распределение слов по качеству конечного гласного проанализировано на основе следующих параметров (рассматривались и другие параметры, но они не выявили зави-

⁹ Всего в четвертой группе около 350 слов. При расчете процентов значения округлялись до целого числа.

симостей): а) число слогов исходного слова; б) конечный согласный исходного слова; в) качество гласного в основе слова.

Корреляция с числом слогов исходного слова.

1. Конечный *u* приобретают только исходно односложные слова: *moru* 'мор', *hlāmtu* 'хлам', *flakku* 'флаг', *buju* 'буй', *blāžu* 'блажь', *pāzu* 'паз', *pāru* 'пар', *jādu* 'яд', *tšāju* 'чай', *žāru* 'жар'; единственное исключение — *tanttsu* 'танец' (заметим, впрочем, что это слово с беглым гласным, в русском языке его основа в косвенных падежах односложная).¹⁰

2. Конечный *a* отсутствует у исходных двухсложных слов, хотя может наличествовать у односложных и трехсложных: *griba* 'гриб', *loba* 'лоб', *kruga* 'круг', *kapitana* 'капитан'.

Таким образом, двухсложные слова почти всегда заканчиваются на *i*.¹¹ Вероятно, запрет на конечные *a* и *u* в двухсложных словах обусловил переход конечного гласного *a* в *i* во многих словах третьей группы (с изменением конечного гласного) типа *šlāppi* 'шляпа', *petli* 'петля', *rāmi* 'рама'.

Корреляция с конечным согласным.

1. Слова, заканчивающиеся в русском языке на фрикативный или аффрикату при заимствовании никогда не приобретают *a*, а только *i* или реже *u*: *pāzu* 'паз', *blāžu* 'блажь', *goršši* 'ерш', *plēšši* 'плешь', *matrossi* 'матрос', *šalašši* 'шалаш', *beglettsi* 'беглец'. Единственное исключение — *usa* 'ус'.

2. Слова, заканчивающиеся в русском на звонкий взрывной согласный (*b, d, g*), в водском практически всегда заканчиваются на *a*: *loba* 'лоб', *groba* 'гроб', *zoba* 'зоб', *parahoda* 'пароход', *kruga* 'круг', *sloga* 'слог'. Исключений крайне мало, например, *šokolādi* 'шоколад'. В словаре (Tsvetkov 1995 : 322) это слово квалифицируется как заимствование из русского, хотя не исключено, что в водский оно попало из эстонского языка.

3. Слова, заканчивающиеся в русском на глухой взрывной согласный (*p, t, k*), в водском почти никогда не имеют конечного *a*, а только *i* или в единичных случаях *u*: *siroppi* 'сироп', *kloppi* 'клоп', *ušatti* 'ушат', *biletti* 'билет', *kanvertti* 'конверт', *paspertti* 'паспорт', *lūkki* 'люк', *flakku* 'флаг'. Исключения единичны, например, *tsepa* 'цепь'. Заметим, что многие слова, заканчивающиеся в русском на глухой взрывной, в водском не имеют конечного гласного (или имели, но впоследствии утратили) и попали в первую группу заимствований.

Касательно остальных звуков (сонорных, в том числе носовых смычных) никаких четких тенденций не обнаружено. Единственное наблюдение касается слов, заканчивающихся в русском на *r*, их водский эквивалент чаще имеет на конце *i* (эта закономерность отмечалась и в куровицком диалекте водского языка, см. Siil 1985 : 171–172).

Корреляция с гласными в основе слова.

Среди исходно односложных слов, которые при заимствовании в водский присоединяют конечный гласный *u*, большинство имеет в водском долгий гласный первого слога: *zāru* 'жар', *pāru* 'пар', *pāzu*

¹⁰ Вполне вероятно, что исключительность этого слова объясняется его заимствованием через эстонский язык, а не непосредственно из русского.

¹¹ Аналогична ситуация в куровицком диалекте водского языка (Siil 1985 : 172).

'паз', *blāži* 'блажь'. А если односложные слова при заимствовании присоединяют конечный гласный *a*, большинство из них имеет в водском короткий гласный в первом слоге: *loba* 'лоб', *kruga* 'круг', *lota* 'лом'.

Среди тех односложных слов, которые при заимствовании в водский присоединяют конечный гласный *a*, нет слов с гласным *a* в первом слоге. Единственное исключение — *grana* ~ *krana* 'кран'.

Ни один из этих параметров не оказался определяющим, т. е. позволяющим однозначно предсказать, какой гласный окажется в заимствованном слове. Более того, наличие примеров, в которых у носителей языка возникали разногласия в выборе гласного, свидетельствует о том, что однозначной и жестко детерминированной системы распределения не существует. Например, нами была зафиксирована вариативность у слов *inžēnēra* ~ *inžēnēri* 'инженер', *тели* ~ *тела* 'мел', *droba* ~ *drobi* 'дробь'. Однако таких примеров мало, поэтому говорить о свободном варьировании в выборе конечного гласного в подавляющем большинстве случаев нельзя.

Гипотеза 2. При заимствовании использовались неноминативные падежные формы русских слов.

Наиболее вероятным и требующим детального рассмотрения является предположение о заимствовании формы генитива русских имен. Во-первых, это наиболее вероятно с типологической точки зрения, во-вторых, такая гипотеза уже обсуждалась (Siil 1985).

Совпадение конечного гласного водского слова с гласным в генитиве исходного русского слова наиболее четко прослеживается в словах, приобретших конечный *a*: *griba* 'гриб' (ген. гриба), *kapitana* 'капитан' (ген. капитана), *ofitsera* 'офицер' (ген. офицера), *velikana* 'великан' (ген. великана). Обращают на себя внимание слова, заканчивающиеся на *u*, среди которых почти половина имеет русский эквивалент с окончанием *u* в форме генитива части: *zāru* 'жар' (ген. части жару), *tšāju* 'чай' (ген. части чаю), *jādu* 'яд' (ген. части яду), *pāru* 'пар' (ген. части пару) и т.д. В пользу гипотезы говорит и третья группа заимствований, где наблюдается несоответствие гласных в водской и русской формах номинатива: *komnētti* 'комната' (ген. комнаты), *nätel'i* 'неделя' (ген. недели), *petli* 'петля' (ген. петли). Серьезным аргументом в поддержку этой гипотезы служат приведенные примеры с выпадением гласного основы, типа *podark* 'подарок' (ген. подарка) и *bagr* 'багор' (ген. багра), но при этом они требуют ответа на вопрос, почему исчез конечный гласный.

Однако этой гипотезе противоречат другие группы слов. Прежде всего это слова четвертой группы, где присоединенный гласный не соответствует гласному в русском генитиве: *beglettsi* 'беглец' (ген. беглеца), *bekassi* 'бекас' (ген. бекаса), *biletti* 'билет' (ген. билета), *blāži* 'блажь' (ген. блажи), *buju* 'буй' (ген. буя), *d'eputātti* 'депутат' (ген. депутата), *f'lakku* 'флаг' (ген. флага), *fonari* 'фонарь' (ген. фонаря), *globussi* 'глобус' (ген. глобуса), *joršši* 'ерш' (ген. ерша), *kanvertti* 'конверт' (ген. конверта), *kloppi* 'клоп' (ген. клопа), *matrossi* 'матрос' (ген. матроса), *pāzu* 'паз' (ген. паза), *pasperitti* 'паспорт' (ген. паспорта),

siropi 'сироп' (ген. сиропа), *šokolādi* 'шоколад' (ген. шоколада), *tsepa* 'цепь' (ген. цепи).

Не согласуются с этой гипотезой и слова второй группы, в которых в водском языке отсутствует конечный гласный, а в русском конечный гласный генитива — *i* или *i:*: *kirk* 'кирка' (ген. кирки), *kurtk* 'куртка' (ген. куртки), *mašin* 'машина' (ген. машины), *bank* 'банка' (ген. банки), *brošk* 'брошка' (ген. брошки). Форме русского генитива не соответствуют многие слова первой группы, не имеющие в водском конечном гласного: *prāzñik* 'праздник' (ген. праздника), *stokan* 'стакана' (ген. стакана), *uguritts* 'огурец' (ген. огурца). Можно было бы объяснить отсутствие ожидаемого конечного гласного апокопой, столь характерной для кракольского говора. Однако это не убедительно, поскольку апокопа не наблюдается в заимствованиях первой группы, сохранивших конечный гласный русского номинатива: *oblezjana* 'обезьяна' (ген. обезьяны), *truba* 'труба' (ген. трубы), *struna* 'струна' (ген. струны), а также в словах четвертой группы, таких как *griba* 'гриб' (ген. гриба) или *kapitana* 'капитан' (ген. капитана). Заметим, что сохранение конечного гласного в приведенных примерах нельзя объяснить незавершенной адаптацией, поскольку среди них немало таких укоренившихся заимствований, как *griba* 'гриб'. Кроме того, допустив предположение о регулярном заимствовании формы генитива, нельзя объяснить отсутствие выпадения беглого гласного в таких словах, как *uguritts* 'огурец' (ген. огурца) или *remeni* 'ремень' (ген. ремня).¹²

Таким образом, гипотеза о заимствовании генитивной формы находит лишь частичное подтверждение.

Остальные падежные формы русского языка не соответствуют фонетическому облику большого числа водских заимствований. И этот факт легко проверить, так что здесь подробные доказательства не приводятся.

Нельзя исключить и более сложного механизма заимствования, при котором водский язык воспринимал бы заимствуемое слово не как номинативную форму, т. е. адаптировал его в качестве собственной формы генитива (или, что то же самое, гласной основы), а затем из этой формы выводились другие элементы парадигмы. При этом теоретически водский язык мог позаимствовать для своего генитива как русский номинатив, так и русский генитив. Однако здесь мы опять сталкиваемся с целым рядом примеров, которые противоречат такой гипотезе, причем в большинстве своем это те же примеры, которые противоречили гипотезе о заимствовании русской формы генитива. Действительно, генитив водских заимствований, как правило, либо оканчивается на *-a* (если в номинативе на конце согласный), либо совпадает с номинативом (если в номинативе на конце гласный): *bank* (ген. *banka*) 'банка', *brošk* (ген. *broška*) 'брошка', *beglettsi* (ген. *beglettsi*) 'беглец', *globussi* (ген. *globussi*) 'глобус', *joršši* (ген. *joršši*) 'ерш', *blāžu* (ген. *blāžu*) 'блажь', *buju* (ген. *buju*) 'буй'. Поэтому русские генитивные формы не совпадают ни с водским номинативом, ни с водским генитивом.

¹² Жесткого запрета на консонантные кластеры *rtts* и *mn* в водском языке нет. Оба наблюдаются в ряде заимствований, а *rtts* даже и в водских словах.

Можно предположить, что заимствования использовали разные падежные формы русских имен. Такое предположение не выглядит абсурдным: заимствоваться может та форма, которая наиболее часто используется в речи. Например, формы *kloppi* 'клоп' (ген. клопа, ном. мн. ч. клопы), *granděšši* 'карандаш' (ген. карандаша, ном. мн. ч. карандаши), *joršši* 'ерш' (ген. ерша, ном. мн. ч. ерши), *patroni* 'патрон' (ген. патрона, ном. мн. ч. патроны), *vagoni* 'вагон' (ген. вагона, ном. мн. ч. вагоны), *suhari* 'сухарь' (ген. сухаря, ном. мн. ч. сухари), *zvēri* 'зверь' (ген. зверя, ном. мн. ч. звери) можно было бы возвести к номинативу множественного числа (с переходом рус. *ы* (*i*) в вод. *i*), поскольку эти слова во множественном числе используются не реже, чем в единственном. Аналогично можно было бы объяснить некоторые случаи, где появление конечного гласного совершенно не соотносится ни с формой номинатива, ни с формой генитива. Например, очевидно, что для рус. *паз* (вод. *pāzu*), не имеющего формы генитива части с конечным *и* (в отличие, например, от *hlāmi* 'хлам', ген. части хламу) более естественно употребление в предложном падеже, чем в номинативе или генитиве: *в пазу*.

К сожалению, во многих случаях гипотеза о заимствовании наиболее частотной падежной формы не находит подтверждения. Так, для слов типа *globussi* 'глобус' (ген. глобуса, ном. мн. ч. глобусы) множественное число никак нельзя считать наиболее частотным, а в словах типа *pasperiti* 'паспорт' (ген. паспорта, ном. мн. ч. паспорта) или *šokolādi* 'шоколад' (ген. шоколада, мн. ч. отсутствует) конечный *i* или *j* не встречается ни в одной из русских падежных форм.

Гипотеза 3. В разные периоды использовались разные механизмы адаптации.

Эта гипотеза предполагает наличие корреляции между механизмами изменения конечных сегментов слов и периодом их заимствования водским языком. Естественно предположить, что в различные периоды мог использоваться тот или иной механизм, в результате чего современная картина представляется столь пестрой.

Наиболее интересны с этой точки зрения слова четвертой группы, которые приобрели конечный гласный *и*. Среди этой немногочисленной подгруппы значительна доля заимствований явно раннего периода: *blāžu* 'блажь' (ген. блажи), *hlāmi* 'хлам' (ген. хлама, ген. части хламу), *moru* 'мор' (ген. мора), *pāru* 'пар' (ген. пара, ген. части пару), *pāzu* 'паз' (ген. паза), *soru* 'сор' (ген. сора, ген. части сору), *strāhu* 'страх' (ген. страха, ген. части страху), *šumi* 'шум' (ген. шума, ген. части шуму), *zāru* 'жар' (ген. жара, ген. части жару). Однако архаичность этих заимствований не помогает объяснить появление конечного *и*. Гипотеза о том, что *и* может быть рефлексом рус. *ь*, который имел призвук *и*, не проходит, поскольку все эти слова относятся к акцентной парадигме *a* (т. е. конечный *ь* в них ослаблен),¹³ и если где-то можно было ожидать, что водь воспримет *ь* как *и*, то никак не в этих словах. К тому же в этой группе встречаются и слова более позднего проис-

¹³ Про акцентные парадигмы славянских языков см., например, Супрун, Скорвид 2005 : 20—21.

хождения, например, *tšāju* 'чай' (ген. чая, ген. части чаю), что свидетельствует о существовании другого механизма, обеспечившего появление конечного *u*.

Полноценная проверка гипотезы об использовании различных механизмов адаптации в разное время требует тщательного анализа, позволяющего определить время проникновения каждого слова в водский язык. К сожалению, мы не располагаем необходимыми данными для такого анализа. Однако не представляется сложным доказать, что время заимствования не может быть определяющим фактором типа изменения.

Довольно большой процент заимствований может быть датирован с достаточной степенью определенности. Это, прежде всего, заимствования нового времени. С одной стороны, они ограничены временем написания словаря Д. Цветкова (т. е. первой четвертью XX века), а с другой, в большинстве случаев — появлением самой реалии, не ранее XIX века. Среди довольно многочисленного списка новых заимствований встречаются слова всех рассмотренных групп: *grana ~ krana* 'кран', *kapitala* 'капитал', *magazina* 'магазин', *parahoda* 'пароход', *dēputātti* 'депутат', *globussi* 'глобус', *paspertti* 'паспорт' (добавление конечного гласного); *gost'innits* 'гостиница', *paperosk* 'папироса', *bol'nits* 'больница', *el'ektritšestv* 'электричество', *mašin* 'машина' (отпадение конечного гласного); *gazetti* 'газета', *raketti* 'ракета' (изменение конечного гласного); *mašinist* 'машинист', *brigadir* 'бригадир', *požarnik* 'пожарник', *direktor* 'директор' (отсутствие изменений). Даже если допустить, что типы изменений закладывались в разные периоды развития водского языка, все эти типы сохранили продуктивность и в новое время. Таким образом, время заимствования не позволяет в полной мере объяснить вариативность в изменениях конечных сегментов заимствованных

Гипотеза 4. Многообразие водских схем адаптации заимствований как результат использования схем, существующих в родственных языках, с которыми контактировал водский.

В родственных водскому финском и эстонском языках мы также наблюдаем изменения на конце заимствований, причем эти языки демонстрируют разные тенденции. Для эстонского более характерно отпадение конечного гласного (*rakett* 'ракета', *miilits* 'милиция'), а слова, оканчивающиеся на согласный, сохраняют исходную форму. Финский язык, наоборот, предпочитает добавлять гласный: *reviisori* 'ревизор', *sontikka* 'зонтик', *risti* 'крест', но слова с исходным гласным не отбрасывают его.¹⁴ В обоих случаях можно говорить о тенденции языка придать слову привычный фонетический облик. Однако для водского языка мы не можем говорить о такой тенденции, поскольку

¹⁴ Аналогична ситуация в ижорском языке (Haarmann 1994). Впрочем, в нижнелужском диалекте ижорского мы встречаем систему адаптации заимствований, приближающуюся к водскому. Этот факт характеризует специфику прибалтийско-финских языков в Ингерманландии: нередко ареальные характеристики сближают говоры двух разных языков, противопоставляя их другим говорам тех же языков другого ареала.

в нем встречаются как отпадение, так и добавление конечного гласного. Гипотезу о том, что все рассматриваемые слова заимствовались в водский язык из русского опосредованно — через финский и эстонский (что и привело к смешению схем адаптации), следует сразу отбросить хотя бы потому, что количество русских заимствований в водском языке значительно больше, чем в финском и эстонском.¹⁵

Выводы

Большинство из рассмотренных гипотез находит подтверждение в некотором количестве рассмотренных заимствований, однако ни одна гипотеза не может считаться доминирующей, т. е. объясняющей (и предсказывающей) появление того или иного облика у конкретного заимствованного слова.

При этом нетривиальная система адаптации русских заимствований остается в водском языке живым и продуктивным механизмом. При опросе носителей языка неоднократно возникала ситуация, когда перевод соответствующего русского слова на водский язык вызывал затруднения, носителю приходилось фактически конструировать водское слово. В подавляющем большинстве случаев полученное слово совпадало и со словарем Д. Цветкова, и с результатами опроса других носителей. Если бы механизмы адаптации не были живыми, то наблюдались бы значительные расхождения между словарем Д. Цветкова и носителями языка. Однако число расхождений было минимальным и можно уверенно утверждать, что рассматриваемые механизмы не потеряли своей продуктивности до сих пор.

Рассмотренный материал ставит перед исследователем вопрос о том, зачем языку понадобилась такая нетривиальная и необъяснимая с точки зрения базовых фонетических или морфологических правил система адаптации заимствований. С нашей точки зрения, существует лишь одно объяснение указанного факта: определяющим фактором в описанной системе стала внутренняя тенденция водского языка (или, по крайней мере, рассмотренного говора) избегать сохранения исходной формы заимствования (для чего использовались разные механизмы адаптации). Такая тенденция объяснима социолингвистической ситуацией. Будучи языком с низким социальным статусом, водский язык пытался обезопасить себя от растворения в русском языке. Ведь если заимствование сохраняет исходную форму, представленную в языке-доноре, то речь с большим числом заимствований воспринимается как «грязный язык», насыщенный переключением кодов. Однако даже небольшие фонетические изменения (именно на уровне сегментного состава, а не просто произношения) заставляют воспринимать заимствованное слово как свое, т. е. отличающееся от исходного. Тем самым, соответствующее слово квалифицируется как заимствование, а не как результат смешения кодов. Обладая возможностью сочетать различные

¹⁵ Не следует исключать, что какое-то количество русских слов все-таки проникло в водский язык через финский или эстонский. Больше всего таких слов среди заимствований, заканчивающихся на *i*, см. Siil 1985 : 172. В любом случае, это не может дать принципиального объяснения всем отмеченным феноменам.

стратегии адаптации, кракольский говор использовал их не для придания единообразия заимствованным словам и не для включения этих слов в некоторую фонетически или морфологически обусловленную схему, а именно для разотождествления слов в языке-доноре и языке-реципиенте. С этой точки зрения, вполне объяснимо отсутствие специфической системы адаптации для глагольных лексем: они более разнообразны в оформлении морфологическими маркерами (как в водском, так и в русском), и случаев совпадения одних и тех же форм не наблюдается.

Что касается вопроса о том, как именно формировался подобный механизм адаптации, то более или менее полный ответ на него мог бы дать лишь подробный анализ заимствований и механизмов их адаптации в различных говорах и диалектах близкородственных языков (прежде всего в ижорском, финском и эстонском). Только такой анализ позволит квалифицировать различные процессы изменения заимствований либо как собственно водские, либо как возникшие под влиянием других языков, либо как специфические для определенного ареала.

Address:

Fjodor Rožanskij

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences

E-mail: handarey@yahoo.com

ЛИТЕРАТУРА

- А м б у с, А. 1977, Морфологическая адаптация русских заимствований в водском языке (Тезисы) — Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязи с языками и литературами народов СССР. Тезисы докладов Всесоюзного совещания финно-угроведов. 27—30 октября, Ужгород, 6—7.
- 1997, Об адаптации русских resp. славянских заимствований в грамматической системе водского языка — LU XXX, 193—201.
- В и й т с о, Т.-Р. 1982, Основные проблемы фонологической структуры прибалтийско-финских языков и ее истории. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллин.
- С у п р у н, А. Е., С к о р в и д, С. С. 2005, Славянские языки. — Языки мира. Славянские языки, Москва, 12—28.
- A r i s t e, P. 1936, Vene laensufiks vadja keeles. — EK 15, 170—171.
- 1979, Germanische Lehnwörter in der wotischen Seemannssprache. — СФУ XV, 209—215.
- 1980, Deutsche Lehnwörter im Wotischen. — FU 6, 27—38.
- 1981, Saksa laensõnadest vadja keeles. — Lakó-émlekkönyv. Nyelvészeti tanulmányok, Budapest, 7—19.
- H a a r m a n n, H. 1984, Aspekte der ingrisch-russischen Sprachkontakte, Hamburg (Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Band 3).
- K u l l, H. 1979, Vene laenuvadja keeles. Nimisõna. Diplomitöö., Tartu.
- L a a k s o, J. 1996, Haisee provosoidulta: aineiston arvioinnin ongelmia Dmitri Tsvetkovin vatjan sanaston valossa. — Vir., 219—238.
- N i l s s o n, T. K. 1991, Slavicisms in the Language of the Baltic-Finnic Krievīņi in Kurland, Latvia. — Lingua Posnaniensis 32—33 (1989—1990), 187—191.
- 1998, Slavicisms in Krievian Revisited. — LU XXXIV, 92—94.
- S i i l, I. 1982, Vene laensõnad vadja keele Kukkusi murdes. Diplomitöö, Tartu.
- 1985, Zur Anpassung russischer Lehnwörter im Kukkuzi-Dialekt des Wotischen. — СФУ XXI, 167—176.

Федор Рожанский

- S z a b ó, L. 1981, Russian Loanwords in Wotic. — CIFU V, Pars VI, 279—284.
T s v e t k o v, D. 1995, Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Toimittanut,
käänteissanaston ja hakemiston laatinut Johanna Laakso, Helsinki (LSFU
XXV).
V ä ä r i, E. 1950, Vene laensõnad vadja keeles. Diplomitöö, Tartu.

FJODOR ROŽANSKIJ (Moskau)

RUSSISCHE LEHNWÖRTER IM JÖGÖPERÄ-DIALEKT DES WOTICHEN UND PROBLEME IHRER ANPASSUNG

Im Mittelpunkt steht die Analyse der Stammvokale von aus dem Russischen entlehnten Substantiven, bei denen der Stammvokal in den meisten Fällen nicht mit dem Auslautvokal des entsprechenden russischen Substantivs übereinstimmt. Das Belegmaterial hierfür wurde dem 1995 erschienenen Wörterbuch von Dmitrij Tsvetkov entnommen und auch vom Autor des Artikels selbst gesammelt.

Der Autor teilt den entlehnten Stammvokal oder die Tatsache seines Fehlen in vier Gruppen auf und formuliert als Erklärung für die Anpassung die vier folgenden Hypothesen: 1) die Vokalveränderung hängt von der lautlichen Gestalt des russischen Lehnwortes ab; 2) die Grundlage für die Entlehnung war nicht der Nominativ des russischen Wortes; 3) zu verschiedenen Zeiten kamen unterschiedliche Anpassungsweisen zur Anwendung; 4) bei der Entlehnung dienten andere ostseefinnische Sprachen als Vorbild.